

A romantic movie poster featuring a man and a woman in medieval-style clothing. The woman has long, wavy red hair and is wearing a light blue dress with brown patterned sleeves. The man has dark hair and a beard, wearing a brown tunic and a dark cloak. They are standing in a forest, looking at each other closely. In the background, a bright sunset or sunrise is visible through the trees, with a beam of light shining down on the couple.

*Валентина
Кравченко*

**ТАЙНА
КУРГАНА**

КНИГА 2

18+

Валентина Кравченко

Тайна кургана 2

«Автор»

2026

Кравченкова В.

Тайна кургана 2 / В. Кравченкова — «Автор», 2026

БЕСПЛАТНО В ПРОЦЕССЕ! Древний курган радимичей хранит тайну веков: в нем спрятан клад, который смогут найти лишь те, чьи сердца чисты. Так слушайте люди сказание о любви, дерзнувшей бросить вызов древним духам.

Тени прошлого шепчут на ухо соблазны. Призраки вождей испытывают волю, а каждый шаг вперед - это шаг к разгадке главной тайны: что делает человека счастливым? От их выбора зависит не только их будущее, но и судьба древнего Рода. Что окажется сильнее? Что на самом деле скрыто за легендой о сокровище? Когда на кону стоит все, поймут ли они, что настоящее счастье не блесит золотом, а светиться в глазах любимого человека? Это сказание о верности, мудрости и силе искренних чувств, где настоящее счастье оказывается не там, где его ищут.### Вторая книга цикла "РАДИМИЧИ". Первая книга - "Тайна кургана."### Славянский сеттингБытовое и приключенческое фэнтезиИсторический любовный роман (для любителей «исторической атмосферы» без строгого историзма).

© Кравченкова В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8

Валентина Кравченкова

Тайна кургана 2

Глава 1

Часть 2 ТАЙНА КУРГАНА

Старики шепчут: курган это не просто могила, это узел рода, стягивающий судьбы живых и мертвых. Курган помнит все – имена, клятвы, слезы и кровь. Но он не расскажет свою историю первому встречному. Он ждет того, чья судьба уже вплетена в его тайну...

Глава 1

Радим упрямо шел по следу. И чем дальше он уходил от селища, тем тяжелее становились его шаги. Он обходил опушки, прислушиваясь к каждому шороху. Заглядывал в густые заросли, выискивая хоть какой-нибудь след. Где-то след был свежим: сломанная ветка, примятая трава, едва заметный отпечаток девичьей ноги на мокрой земле у ручья. Присев на корточки, легко он коснулся следа, словно мог почувствовать ее тепло. Мужчина не знал, что случилось, но чувствовал, что происходит что-то неправильное. Нежана не могла так просто исчезнуть, растворившись тенью в сумерках. И это пугало его.

Он шел по лесу, иногда звал тихо, чтобы не спугнуть, если она прячется где-то рядом:

- Нежана... Отзовись. Я здесь. Никто тебя не тронет.

Каждый раз, когда из чащи доносился хруст ветки, сердце у него замирало, а потом снова билось гулко и тяжело. Он вспоминал, как она старалась держаться в кругу подруг, как ее взгляд на мгновение задерживался на нем, и от этого становилось еще страшнее: вдруг он опоздал? Вдруг то, чего он боялся, уже случилось?

Лес становился гуще. Тени сплетались в непроглядную тьму. Где-то над головой вскрикнула птица - резко и тревожно.

Радим заставлял себя думать трезво и не дать страху за милую его сердцу девушку завладеть им. Но все рассыпалось прахом, стоило ему представить, как Угрюм тащит Нежану за собой, не считаясь ни с ее болью, ни с ее страхом.

Радим подошел к роднику. Вода тихо журчала, на поверхности плавали опавшие листья. На мокрой глине у берега он заприметил следы: мелкие, женские, а рядом тяжелые, мужские. Следы вели прочь, в сторону оврага, туда, где тропа терялась среди кустов. Он осмотрел берег и с замирающим в груди сердцем вытянул из-под коряги плетенный и украшенный уточками и кольцами поясok. Ее поясok.

Он замер, вглядываясь в полумрак, и прошептал, стискивая рукоять ножа:

- Только живи... о боги, живи, Огонек...

Он бросился вперед, прислушиваясь к тишине, выискивая в ней хоть какой-то знак: хруст ветки, сбившееся дыхание, шорох платья по траве.

Запахавшись, он остановился, оглядываясь по сторонам и прислушиваясь к лесу. Вдруг из кустов выпрыгнула волчица. Она замерла в нескольких шагах от Радима и потянула носом. Мужчина опустил руку, которой потянулся к ножу. Он знал эту волчицу. Знал этот взгляд. Так смотрят звери, когда защищают свое.

- Тихо... тихо... - прошептал он, не сводя со зверя глаз, - я ищу ту, что мне дорога... Нежану.... Поможешь найти ее?

Волчица стояла тихо, словно прислушивалась к его страху и отчаянной надежде. В ее взгляде на миг мелькнуло нечто человеческое. Она резко мотнула головой – один кивок в сторону оврага, туда, где земля сползала вниз, скрываясь в густой тени.

Радим шагнул к оврагу. Здесь он замер. На глине у родника следы обрывались, но чуть дальше, там, где тропа ныряла в густой орешник, земля была взрыта, будто кто-то падал и снова вскакивал на ноги. Он наклонился, провел пальцами по вмятинам и тихо выругался сквозь зубы. Он знал эти тяжелые следы. Так ходит человек в злобе.

«Значит, он был здесь, — подумал Радим, стискивая рукоять ножа. — И она бежала от него... одна, в потемках».

В груди все сжалось от ярости и страха одновременно. Он представил, как Нежана, маленькая и хрупкая, вырывается из чужих рук, спотыкается, падает, зовет на помощь... И тут же перед глазами встало другое: как она улыбалась, когда думала, что никто не видит; как ее взгляд на мгновение задерживался на нем у костра; как она играла с детьми. Как стирала белье в реке...

Радим выпрямился и пошел дальше, уже не таясь. Если Угрюм где-то поблизости, пусть слышит его шаги. Пусть знает, что он поблизости.

А лес вокруг будто затаил дыхание, наблюдая за ним. Но его уже ничто не могло остановить. Он чувствовал свою связь с лесом. Она всегда обострялась в минуты опасности. Глухая, почти первобытная и осязаемая. Овраг для него был местом, где сходятся пути людей и духов. Где решаются судьбы. И Радим решительно шагнул навстречу своей судьбе.

Цепляясь за ветки и жесткие стебли травы, он скользнул вниз, по осыпающемуся склону. Земля под ногами была мокрой и скользкой. Но он не обращал на это внимания. Его взгляд был сосредоточен на белеющем среди кустов, в полумраке оврага пятне.

И он увидел ее.

Девушка сидела, прижимаясь спиной к старому дереву, почти скрытая в его тени. Платье было порвано и испачкано грязью, с прилипшим к нему репейником. Волосы рассыпались по плечам спутанными прядями, а лицо казалось неестественно бледным в тусклом свете, пробивающемся сквозь кроны деревьев.

Она не двигалась. И от этого сердце Радима замерло.

- Огонек! – его голос сорвался на хрип, мгновенно став чужим. Он бросился к ней, упав на колени, со страхом потянулся к ней, осторожно касаясь ее лица. – Нежа... очнись... прошу...

Ее ресницы затрепетали, и она посмотрела на него. Растерянность, боль, страх сменились узнаванием и облегчением.

- Радим... - прошептала она, и слезы побежали по ее грязным щекам. Он уже не сдерживался. Притянул к себе, ощущая ее дрожь, давая ей возможность выплакаться.

- Тише... тише... - шептал он, поглаживая ее по вздрагивающим плечам и спутанным рыжим прядям, невольно распутывая их и пропуская между пальцами. – Я здесь... никто больше тебя не тронет... Я рядом...

Она уткнулась лбом в его плечо, цепляясь за рубаху, словно боялась, что если отпустит, тьма вновь поглотит ее. А он шептал ей простые слова. И те, что всегда говорили в селище, чтобы отогнать лихо, и самые потаенные, те, что рвались из самой глубины его израненной души:

- Я здесь, Огонек... Слышишь? Я рядом. Ты под моей защитой. Ни зверь, ни человек больше не тронут тебя. Клянусь предками и землей нашей... Мой Огонек... Только мой...

Он стянул с себя теплую накидку и укутал ее. Ткань еще хранила его тепло, и это было важнее любых слов. Присел рядом, прямо на землю, устроив ее на своих коленях.

- Помнишь, мы стояли с тобой у воды, когда туман стелился? Ты смеялась и говорила, что это духи воды играют? А я смотрел на тебя и думал: дай только дожить до того дня, когда

смогу с тобой каждый рассвет встречать. Вот дожил. И не отдам тебя никому. Ни лесу, ни воде, ни чужой злой воле.

Она дрожала в его руках. Пальцы судорожно цеплялись за рубаху, но от нее постепенно отступала та пустота, которая бывает после сильного испуга.

Радим сжал ее ледяные пальцы и слегка подул на них, согревая своим теплом.

- Дыши, Огонек, - тихо приказал он, глядя в ее глаза, не позволяя ей отвернуться или опустить взор. Она должна была видеть только его. – Смотри на меня. Вот я. Рядом. Слышишь, сердце стучит? Это от радости, что тебя нашел.

Она стала расслабляться. Ее голова доверчиво опустилась на его плечо, дыхание престало вырываться из груди рваными вздохами.

А он держал ее в руках и благодарил богов. Что не забрали ее. А потом стал тихо напевать тот далекий напев, что матери пели в их роду детям над колыбелью. И этот, знакомый с детства напев тихо лился по оврагу, вытесняя из ее души остатки страха и ледящего душу холода.

Глава 2

Глава 2

- Расскажи мне, - мягко, но твердо попросил он. - Не сейчас, не сию минуту, а когда сможешь говорить. Расскажи, что было. Я должен знать, чтобы защитить тебя. Но если не можешь, не надо. Просто посидим. Пусть мир подождет. Сейчас есть только ты и я. И я рад, что наконец тебя нашел.

Нежана медленно подняла на него взгляд. В ее глазах еще дрожала тень пережитого, но уже не было того глухого ужаса, что сковывал ее раньше. Она приоткрыла рот, будто хотела, что-то сказать, но голос не слушался. Она лишь крепче прижалась к его плечу, пряча лицо у него на груди.

Радим не торопил. Он чуть сдвинулся, устраиваясь поудобнее, и положил ладонь поверх ее пальцев, слегка сжав их.

- Не надо спешить, - тихо повторил он, чуть склонив голову, чтобы видеть ее лицо. - Пусть пока уйдет холод.... Слышишь, как тихо стало?

Нежана сглотнула, глядя перед собой.

- Он... - прошептала она, и голос ее дрогнул, словно словам было трудно прорваться наружу. - Угрюм...

Она запнулась, зажмурилась, желая стереть из памяти последние события.

- Он подстерег меня на тропе, у ручья. Сказал... Что род примет его... Не пойдет против, и схватил меня...

Радим стиснул зубы, но не дал гневу прорваться наружу. Не сейчас, не перед ней. Вместо этого он тихо выдохнул и чуть крепче прижал ее к себе так, чтобы она почувствовала его защиту и поддержку.

- Дальше не надо, если тяжело, - прошептал он.

Нежана снова вздохнула.

- Я пыталась вырваться... бежала... - продолжила она уже немного увереннее. - Ночь в старой землянке провела. Той, что за рощей.

Радим прикрыл глаза, пытаясь удержать внутри ярость, что рвалась наружу при каждом ее слове. Гнев на Угрюма царапал изнутри, требовал вскочить, найти его и заставить ответить за каждую минуту ее страха. Но он не шевелился. Только крепче, бережнее прижимал Нежану к себе, желая передать ей всю свою силу.

- Знаю, - тихо сказал он, почти без голоса, - я видел по следам. Ты бежала. Ты не сдалась. Это самое главное. Слышишь? Ты не сломалась.

Нежана кивнула, не поднимая глаз, и снова уткнулась лбом ему в плечо, подсознательно ища в нем опору.

- В землянке было темно, - прошептала она, и слова теперь шли легче, словно начав, она уже не могла остановиться. - Пахло старым деревом... Я все прислушивалась: вдруг шаги? Вдруг он найдет меня? А потом... потом мне показалось, что лес шепчет. Будто кто-то звал меня по имени. Я думала, это он... - В ее взгляде мелькала усталость, смешанная с облегчением, когда она поняла, что тяжесть произошедшего, которую она несла одна, наконец-то можно разделить с кем-то.

Радим немного отстранился, чтобы поймать ее взгляд, и осторожно приподнял ее подбородок двумя пальцами так, чтобы она сама могла отвести лицо, если захочет.

- Я пришел, - просто сказал он. - И больше не оставлю. Он не тронет тебя.

В его словах не было бравады. Только спокойная, железная решимость.

- Прости, - вдруг тихо прошептала она, - что заставила тебя искать. Что заставила бояться...

Радим через силу улыбнулся едва заметно, уголками губ, и хоть улыбка не была веселой, но вышла теплой, поддерживающей.

- Не извиняйся, - мягко ответил он. - Я бы прошел через весь лес, через все овраги и чащи, через каждую тень, что шепчет на ухо, лишь бы найти тебя. Ты стоишь каждого шага.

Он снова притянул ее к себе. На этот раз Нежана не вжималась в него от страха, а просто прильнула, доверчиво, как к чему-то самому надежному на свете. И лес, который еще недавно казался враждебным и полным угроз, теперь стал тише, признавая, что здесь, в этом маленьком круге тепла, ему нечем грозить.

- Давай посидим еще немного, - прошептал Радим, глядя поверх ее головы в темнеющую чашу. - Пусть ночь соберет свои тени где-нибудь подальше. Сейчас нам нужна только тишина, твое дыхание и то, что ты уже рассказала. Остальное подождет до рассвета.

Радим сидел в тиши леса, слушая, как успокаивается Нежана, как выравнивается ее дыхание, становясь ровным и глубоким. И лишь когда ночь плотной завесой укрыла землю, а вдали послышался голодный вой волка, он осторожно пересадил ее на землю. Собрав сухих веток и накидав сверху мох, разжег костер.

Он посмотрел на нее. В языках пламени ее черты казались совсем детскими, беззащитными. Рука сама собой потянулась поправить разорванный рукав рубахи, сквозь который на ее плече был виден грубый синяк от чужих пальцев. На щеке была неровная царапина со следами запекшейся крови. Наверняка поранилась, отбиваясь от Угрюма. Его охватила злость. Радим стиснул зубы, стараясь загнать эту ярость поглубже. Сейчас нужно спокойствие и тепло. Он присел рядом с ней и положил рядом нож. Он готов ко всему. И к встрече с животными и к встрече с людьми.

Радим смотрел на уснувшую Нежану. Пламя костра мягко ложилось на ее лицо, скрадывая тени страха, разглаживая морщинки тревоги, и она казалась совсем юной, почти девочкой, какой была, когда они вместе бегали по лугам за селищем.

Невольно он вспомнил первую жену, не понимая сейчас, как мог в той, другой, увидеть Нежану. Первая жена и правда, чем-то напоминала ее: той же тонкой, почти невесомой статью, тем же мягким овалом лица, той же тихой, осторожной походкой, будто земля под ногами была слишком твердой и могла больно ранить.

Но на этом сходство и заканчивалось. Первая жена была хрупкой до прозрачности. Не просто тонкой костью, а хрупкой душой. Она боялась даже собственной тени: вздрагивала от резкого треска ветки, бледнела, если над селищем кружил ворон, и подолгу не могла уснуть, если ветер выл особенно настойчиво. Она никогда не перечила ему. Ни словом, ни взглядом. Даже когда он, сам того не замечая, говорил резче, она лишь опускала глаза и тихо соглашалась. Поначалу он принимал эту покорность за знак доверия, за уважение к его силе и опыту. Позже понял это был страх. Страх сделать что-то не так, страх рассердить, страх оказаться лишней в собственном доме.

Нежана тоже была хрупкой, но ее хрупкость не означала безволия. В ней жила своя, тихая сила та, что не ломается. Она могла дрожать от страха, но все равно сделать шаг вперед. Могла бояться, но не прятать взгляд. Могла сомневаться, но искать свой путь, а не слепо принимать чужой.

Нежана во сне чуть пошевелилась, поджала ноги, словно пытаясь укрыться от холода, и Радим тут же потянулся, поправляя на ней накидку. В этом движении не было властности, не было желания укротить или обуздать. Только желание сблизить.

Он опустил взгляд на свои грубые, мозолистые руки - руки воина, охотника, человека, привыкшего брать ответственность и принимать жесткие решения. И вдруг остро почувство-

вал, как мало они годятся для того, чтобы обращаться с чем-то таким нежным и живым, как душа Нежаны.

«Прости меня, - мысленно прошептал он, зная, что она не услышит, но чувствуя, что должен сказать это хоть ветру, хоть лесу, хоть самому себе. - Прости, что не сберег тебя».

Где-то в глубине леса снова завыл волк. Радим даже не вздрогнул все так же, не глядя на спящую девушку. Кусты дрогнули и к ним вышла их волчица. Повертевшись около костра, отошла в сторону и улеглась на границе света и тени.

- Спасибо, - прошептал охотник волчице и лишь плотнее пододвинулся к Нежане, закрывая ее от холода, и тихо произнес:

- Я здесь. И я не дам тебя в обиду. Ни людям, ни страху, ни даже моим собственным глупым решениям.